

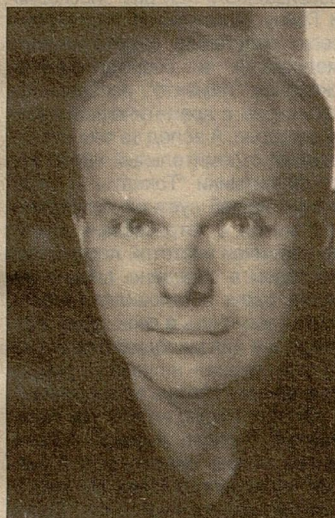
Черный король, белая королева

Культура. — 2000. —
13-19 янв. — с. 8

“Сид”: из Авиньона —
в Москву

Английский режиссер Деклан Доннеллан в последнее время почти породнился с Россией. Во всяком случае, наш зритель смотрит его спектакли как привозные, так и поставленные здесь (“Зимняя сказка” в МДТ получила в прошлом году премию “Золотая маска”) едва ли не с той же периодичностью, что и творения родных режиссеров. Недавно мы продолжили знакомство с работами Доннеллана — при содействии Международной конфедерации театральных союзов в Москву был привезен “Сид” Корнеля, ставший одним из главных событий прошлого Авиньонского фестиваля.

Москва приняла “Сиду” на удивление спокойно. Что, в принципе, неудивительно, ибо спектакль, в замысел которого не вложены эмоциональные проявления, мог показаться зрителю чересчур холодным и схематичным. Доннеллан, как и всегда, выстроил на сцене своего рода шахматную партию, уложив в нее весь богатый страстями сюжет корнелевской трагедии. Пьеса сильно купирована, что, безусловно, пошло на пользу спектаклю: краткость монологов придала действию динамики. Режиссерские приемы выразительны, но узнаваемы и предсказуемы: первоначальная безмолвная экспозиция, предельно лаконичная сценорафия, современные костюмы (в данном случае — военная форма), строго расчерченные по линейке мизансцены. Все подчинено еди-

Деклан Доннеллан

ной схеме, высчитанной на невидимом калькуляторе. Никаких чувств, главенство чистого разума. Однако в схему не уложилось одно: то, что актеры, занятые в спектакле, как-никак — живые люди. И из холодной техничности то и дело “выбивались” переживания, слезы, крики, блеск глаз и заламывание рук. Несмотря на то что происходило это, скорее, вопреки режиссерскому решению, все вместе рождало некую странную, но все же гармонию.

Принявшись за постановку одной из наиболее ценных французских пьес, Доннеллан решил преж-

де всего лишить действие пафосного героизма. Не то чтобы развенчать идола, каковым можно предполагать Сиду, но объяснить, что герои, при всем уважении к ним, не идеальны. И это удалось ему в первую очередь благодаря мастерству молодого актера Уильяма Надилама. Темпераментный африканец с ломкими движениями и выразительным лицом играет Сиду страдающим юношей, который не скрывает своего страха за поединок с отцом возлюбленной и не стесняется слез в минуты отчаяния. Тяжкое бремя долга Сид несет неохотно, и даже не потому, что так непрост выбор между долгом и любовью. Просто он не понимает, почему ему нужно разрешать ссору своего отца (Мишель Боманн) и отца любимой девушки (Филипп Бланше). Он хочет жить по-своему, но оказывается пленником родительской чести. И поход на войну для него — прежде всего жест отчаяния, поступок человека, которому нечего терять. И почести, которыми его осыпает король (Жорж Бигот), Сиду уже не нужны. Как не нужна и запоздалая любовь красавицы Химены (Сара Карабасникофф). Чудовищная усталость, сломившая молодого, полного сил человека, — в этом трагедия Сиды, слышная даже сквозь победные колокола финала. Счастье по схеме невозможно — невидимые потери всегда перевесят видимые достижения.

Алиса НИКОЛЬСКАЯ